

П О Э З И Я

Александр АВДЕЕВ

Родился в 1966 г. в Ярославле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в периодической печати, в коллективных сборниках, в том числе издательства «ЭКСМО» (Москва). Автор книг стихов «Невидимая птица» (2003) и «Долгожданный день» (2011). Член Союза российских писателей. Дьякон храма Ярослава Мудрого (Ярославль).

«Свет своё берёт у тьмы»

* * *

Тепло, а ветер воет люто.
Есть дом родной, а бесприютно.
И мамка молится чуть свет.
Да Волгу вижу тридцать лет.
Здесь неизбежность постаренья,
И ожиданье вдохновенья,
И наблюдение примет,
Да Волги судорожный свет.
Грустят и радуются люди.
И мне дано понять, что будет.
И сколько б Волга ни текла,
И сколько б мать ни берегла —
И речка кончится как время.
И что со мной?! И что со всеми?
Лишь мамка молится в ответ
Да Волги нестерпимый свет.

* * *

Я вспомнил: на старом пальто
Есть раны, а пуговиц нет.
Всё мглистей закат и рассвет.
В квартире свет люстры зато.
А вместо кастетов и шил
Я выбрал иголку и нить.
Мне кажется, долго б я жил,
Коль выйдем до снега дожить.
И вот у подъезда стою
В зашитом пальтишке, куря.
И тщетно встречаю зарю
Всего одного фонаря.
Из каждой тревожной ночи
Доносит мне образы звук:
То в арке мужик прокричит,
То звякнет колодезный люк.
Вернётся домой человек,
Свет люстры осветит окно.
Но будет ночами темно,
Покуда не выпадет снег.

* * *

Пришёл к своей любимой школе.
Открыл коричневую дверь.
Стою, большой, в притихшем холле,
Спокойный, чинный — лишь теперь.
Мне в память врезалось глубоко,
Как звонко здесь звенел звонок.
Конечно, радостный — с урока
И посуровой — на урок.
Ведром уборщица гремела.
Валялись корки дневника.
Я слышал стук о доску мела
И беспощадный звон звонка.
И вспоминалось мне — я школьник
И одноклассников смешу.
Закинув циркуль и угольник,
На парте глупости пишу,
Пока спокойно и умело,
Не глядя, что я там творю,
Учитель важно чертит мелом
Задачу белую свою.

* * *

Конечно, есть свой запах у стихов.
Не знаю я, какой сегодня в моде...
В домах, где запах водки и духов,
Могу я получить и дать по морде.

Но водка и духи ещё не зло.
Я запах зла совсем не различаю.
И мне, на вид неслабому, везло
В компаниях, где мало склонны к чаю.

Сияла люстра, плавающая в дыму.
Удары по столу звенели шибки.
О чём-то, до сих пор и не пойму,
Все спорили, и каждый без улыбки.

Устав напрасно голову ломать,
Домой пришёл нетвёрдыми шагами.
И сразу улыбнулся — в доме мать,
Поскольку с кухни пахло пирогами.

* * *

Окна тёмные, скрип дверей.
Мелкий свет самой первой стужи.
Листья, ветер. И свет фонарей
Отражают волнистые лужи.

Тонким льдом покрывалась грязь.
Мимо лысых берёз, у барака,
Промаячив хвостом, пронеслась
И исчезла во тьме собака.

Скрип дверей, сигаретный дым.
Шум дороги доносится глухо.
И мечтается: это Бим,
Белый Бим — Чёрное Ухо.

* * *

То страх, то грусть. В лучах косога света
Следят за мной отжившие портреты.
Как долго за бутылкой лезу в шкаф!
Отныне верю в скорбные приметы.
Опять год високосный. Дождь с рассвета.
И трудно мне понять, где сны, где явь.

И нету для меня мрачней мелодий —
Отец в квартиру медленно заходит
И говорит, что сердце всё болит.
А я беру две карточных колоды,
А он часы настенные заводит,
И бабка, слышу, плачет, да навзрыд.
Ждут на крыльце меня единоверцы.
Я на закуску хлеб посыплю перцем,
Пиковых дам испачкаю в вине...
Опять скрипит часов усталых дверца,
Отец часы заводит, словно сердце
Моё... И бабка плачет обо мне.

* * *

Опускались ветвистые тени.
Догорал на окошках закат.
Над скамьями свисали сирени.
И текла под мостами река.

В сад, где слышалось соло гитары
И немного приглушенный бас,
Проходили весёлые пары,
Постояв у открывшихся касс.

На причалы речного вокзала
Вёл асфальт, пролегающий вниз.
Там река, потемнев, отражала
Рыжий свет фонарей-верениц.

Шёл июнь в его сонном начале
Светлым праздником нашей земли.
Оттого я смотрел без печали
На плывущие вдаль корабли.

* * *

Капели сыпались с карнизов.
По окнам плыли облака.
Поющий воздух был пронизан
Теплом сырого ветерка.

В ларьке с витриной застеклённой
Я видел жёлтые цветы.
А рядом очередь влюблённых
И шум торговой суеты.

И наводила радость слёзы
От всей весенней новизны.
И стало жаль, что те мимозы
Мне были вовсе не нужны.

* * *

Любимые с юности книги —
Стихи, наводившие грусть,
Не дай бог однажды над ними
Склоняться совсем разучусь.
И будут они позабыты.
И станет другой голова —
Отверю в чужие обиды,
В печаль, что рождает слова.
Не дай бог забыть о деревьях,
Избушках у леса вдали,
Минутах, когда над деревней,
Прощаясь, летят журавли.

* * *

Открыла дверь, и улыбнулась,
И прошептала: «Заходи...
Ну, заходи же...» Оглянулась,
Как будто кто-то позади.
Так получилось, что ни разу
Мы раньше не были вдвоём.
Друг друга знали по рассказам
Знакомых общих. И притом
Всегда смотрел я, словно мимо
Тебя, коль рядом проходил.
А нынче непреодолимо
Пришёл к дверям и позвонил.
Открыла дверь и улыбнулась.
И прошептала: «Заходи».
И как в проулке — оглянулась
Так, словно кто-то позади.

* * *

Сын родился в час зарплаты
На последний день зимы.
Потеплело на закате —
Свет своё берёт у тьмы.

Пусть весна врачует тело —
Отойдёт озноб ветров,
Чтоб супруга не болела
И сыночек был здоров.

Много будет хлеба, неба.
Православный звонкий храм!
Как цветочки из-под снега,
Улыбнулась жизнь и нам.

Купим обувь без заплаты,
Да минуем гнёт сумы...
Сын родился в час зарплаты
На последний день зимы!